

Андрей Вольт

БРИГИТ РЫЖАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАРТИЯ МЭТРА БЕЗЪЕ

18+

Андрей Вольт
Бригит Рыжая.
Партия мэтра Безье
Серия «Бригит Рыжая», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74442326

*Бригит Рыжая. Часть вторая Партия мэтра Безье / Андрей Вольт:
Де'Либри; Москва; 2026
ISBN 978-5-4491-3287-1*

Аннотация

Данное произведение вдохновлено трилогией Мэтью Гэбори, «Хранители», с его необычным и возвышенным миром, населённым странными магическими существами, называемыми Хранители. Вторая часть переносит нас в самое сердце Брихтсмарка – в Приорат Молчания, где бывший инквизитор Монфор Безье проводит запретный ритуал над телом погибшей разбойницы Бригит Рыжей. Он уверен, что вот-вот подчинит себе Третью Королеву Харонии и получит власть над легионами мёртвых. Но Королева, чьё рождение было предопределено древним ритуалом первых королей Харонии, не намерена становиться марионеткой.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
1/1 Искусство резьбы по плоти	8
1/2 Когда инквизиторское благочестие не стоит жалкого медяка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Вольт
Бригит Рыжая. Часть
вторая. Партия мэтра Безье

Иллюстрации Андрея Волта

D E L I B R I

© А. Вольт, текст, 2026

© А. Вольт, иллюстрации, 2026

Предисловие

Из Хроники великих деяний блистательных Правителей Империи Грифонов.

В конце года Сокола, в начале пятого месяца сезона Тёплых Ветров, император Аденат Сакар, выступил с большим войском к северной границе Империи, дабы силой оружия наказать презренных химерийцев за их многолетние набеги на рубежи нашего славного государства. Химерия и ее Хранители, погрязшие во внутренних распрях, не могли сражаться с нашей доблестной армией в открытом сражении. Так как Химерия – в основном лесистая и горная страна, её жители прятались в глухих и укромных местах, используя помощь своих Хранителей – химер, пытались вести войну методом засад, притворных отступлений и нападений на пути подвоза провианта. Но император Аденат, послушав совет Верховного жреца Грифоньего Храма Сол-Сима, повёл свои войска прямо на столицу Химерии, древний город Руск. Легионы императора совершили беспрецедентный подвиг, пройдя по труднодоступным лесам и горам этой дикой страны, построив большую широкую дорогу, что позднее стала носить название Брихтсмаркский тракт, и вышли к столице Химерии. В большом сражении у стен Руска химерийцы были разгромлены, их войска рассеяны, большая часть их вождей убита вместе со своими химерами. Император Аденат уни-

чтожил этот древний город и низверг мерзкие алтари их храмов из чёрного мрамора. С тех пор химерийская магия под запретом, на их Хранителей, химер, объявлена охота, дабы привести к покорности это беспокойное племя.

Глава I

Анатомия тишины

1/1 Искусство резьбы по плоти

Тишина в Приорате Молчания была особой стихией – густой, вязкой, спрессованной веками запретных ритуалов и пропитанной застарелой кровью, а не просто отсутствием звуков. Казалось, она обитала здесь, как некий незримый, но осязаемый хищник, пожирающий любой звук, будь то скрип половицы или собственное сбивчивое дыхание.

Снаружи сосны Брихтсмарка, кривые, замшелые, страдающие болезнью гнилых древесных наростов, обступали каменные стены так плотно, словно лес сам пытался уничтожить это место, утянуть его в торфяную могилу. Но не мог – не давала магия, – древняя, химерийская, сочащаяся из каждого камня кладки, как гной из незаживающей раны.

Мэтр Безье любил эту тишину, царившую в его обители. Он давно приручил её, заставив служить своим целям, – тишина не пропускала криков его жертв наружу и не впускала внутрь шум назойливого мира с его грозами, ветрами и случайными редкими путниками. Здесь, в нефе бывшей часовни, перестроенной под магическую лабораторию, он был абсолютным властелином – более абсолютным, чем император или архиепископ Инквизиции, ибо власть его простиралась не на земли и не на золото, а на ту тонкую, почти незримую грань, где сходились в вихре магические потоки, оставленные колебаниями живых и мёртвых, движущихся внутри

Миропотока.

На чёрном химерийском мраморе древнего алтаря покоилось её тело. Тело той, которую при жизни звали вполне обычным именем для этих мест.

Смерть обошлась с ней почти нежно, будто узнав в ней будущую Королеву Харонии и не решившись уродовать прекрасные черты. Она лежала, вытянувшись в струну, прикрытая до подбородка грубым льняным саваном, который Безье лично пропитал бальзамирующим составом – смесью мирры, толчёного обсидиана и одной-единственной каплей собственной слюны, ибо древние тексты утверждали, что родственная стихия некроманта скрепляет плоть куда надёжнее любых алхимических растворов. Рыжие волосы Бригит, при жизни – буйная грива, непокорная, вечно спутанная ветром, – теперь были расчёсаны и аккуратно уложены вокруг головы подобием ангельского нимба. Но то был не святой нимб, а, скорее, насмешка над ним – ореол из потускневшей меди, в котором отдельные пряди уже начали серебриться там, где их коснулась харонийская Желчь.

Безье стоял над ней, опершись обеими ладонями на край алтаря, и смотрел. С особым вожделением, холодным голодом, с каким гравёр смотрит на нетронутую медную пластину, предвкушая, как резец вонзится в металл и породит образ. Тело на столе было холстом. Инструментом. И, что куда важнее, ключом.

Ибо там, в мрачных чертогах Харонии, среди легионов

неприкаянных, восседала она – не эта мёртвая оболочка, а подлинная сущность, рождавшаяся в момент смерти любого наделённого душой существа. Вознесённая в ранг Королевы по неведомым ему причинам. Впрочем, эти причины мало интересовали мэтра Безье.

Он прочёл об этом в химерийских «Анналах плоти» – фолианте, написанном древними некромантами и переплетённом в кожу, происхождение которой он предпочёл не выяснять. Он вычислил это по возмущениям магических потоков, по той особой ряби, что прошла по Тёмным Тропам в ночь её гибели. Эти нерадивые, алчные Инквизиторы, продавшие ему труп, даже не подозревали, какую реликвию они ему уступили. Они видели лишь мёртвую девчонку.

Он видел мост.

Мост через реку Пепла, отделявшую Харонию от остального Миропотока.

Безье выпрямился. Тело его, облачённое в ужасную рясу из отрубленных бледных ладоней каладрийских монахинь-девственниц, было по-прежнему крепким, несмотря на шестой десяток зим. Лицо – узкое, мерзкое шишковатое, с тонкими, почти невидимыми губами – хранило выражение маниакальной сосредоточенности, как у ребёнка, у которого появилась новая невиданная ранее игрушка. Глаза светло-серые, почти бесцветные, были обведены тёмными кругами – следами многолетнего недосыпания и той особой усталости, что приходит не от труда, а от одержимости.

Он опустил взгляд на свои руки. Пальцы – длинные, как у музыканта-арфиста, с безупречно чистыми ногтями – были главным его инструментом. Никакой грубой перчаточной магии, никаких вульгарных жезлов и высокопарных заклинаний. Только руки, тренированные годами анатомических операций, и разум, отточенный десятилетиями изучения запретных древних химерийских текстов. В юности, когда он ещё носил серебряный молот, тёмный длинный плащ и звался инквизитором Монфором Безье, эти руки сжигали колдунов и шаманов имперского приграничья. Теперь они вскрывали саму ткань бытия, чтобы постичь его механику. Прогресс, думал он не без иронии.

– Ты при жизни верховодила мелкой шайкой отбросов, чья жизнь не стоила и одного медяка, – произнёс он вслух, и голос его, тихий, сухой, лишённый интонаций, тут же впитался в тишину Приората, не породив эха. – Кто же мог предполагать, что ты займёшь Третий трон Харонии. В твоей смерти есть что-то необыкновенное. И меня очень волнует вопрос: кто же ты такая Бригит Рыжая? Но теперь ты моя! И всё мне расскажешь. Мы обречены быть вместе. Ты и я. И ты, разумеется, будешь не в состоянии возражать.

Он склонился над телом и осторожно, двумя пальцами, отогнул край савана. Кожа покойной была бледна, как февральский снег, но ещё не тронута тлением – бальзамирующий состав делал своё дело. На шее, чуть ниже левого уха, темнел маленький разрез – след арбалетного болта, который

вскрыл ей сонную артерию. Безье нахмурился. Грубая работа. Он предпочёл бы, чтобы тело досталось ему без внешних повреждений, но имперские инквизиторы никогда не отличались утончённостью. Что ж, этот дефект можно будет исправить. Плоть – податливый материал, особенно мёртвая. И особенно в руках такого мастера, как он.

Он откинул саван полностью.

Теперь Бригит лежала перед ним обнажённая, неподвижная, белая, словно выточенная из слоновой кости статуя. Безье испытал острое возбуждение. Тело было молодым, сильным, несмотря на несколько шрамов, свидетельствующих о бурной жизни. На левом предплечье – след ожога, возможно, от калёного железа. На правом боку – звёздчатый рубец, явно от ножа или стилета. Бригит Рыжая не была хрупким цветком; она была бойцом, и смерть приняла, судя по всему, с той же угрюмой дерзостью, с какой жила. Он бы не без удовольствия потешил себя телом этой рыжей бестии, но для этого имелись другие. Этот же экземпляр не мог быть осквернён, столь неподобающим образом. Был риск, что заклинания не сработают.

Он повернулся к инструментам, разложенным на отдельном столике. Скальпели, иглы, ретракторы, эжекторы – всё работы лучших имперских мастеров, качественная сталь, закалённая не в воде, а в растворе первоначальной Желчи, добытой через химерийских эмиссаров. Рядом лежали предметы менее ортодоксальные: сосуды с алхимическими реаген-

тами, пучки сушёных трав, что росли только там, где появлялись Тёмные Тропы, и маленькая, вырезанная из обсидиана чаша, в которой курился слабый, дрожащий синий огонёк – частица самой Харонии, пойманная им на одной из Тёмных Троп во время Равноденствия Жатвы.

Безье взял в руки скальпель. Лезвие холодило пальцы даже сквозь перчатку из тончайшей кожи драконийцев.

– Начнём с малого, – сказал он мёртвому телу, словно коллеге, приглашённому ассистировать. – Сначала я нанесу подготовительные знаки. Затем, когда луна войдёт в фазу, благоприятствующую Пятому Дому, мы приступим к главному вскрытию. Не бойся, милая моя Бригит! Я не воскрешу тебя в том вульгарном смысле, в каком это делают деревенские химерийские шаманы со своими зомби. Ты останешься мёртвой. Твоё тело останется здесь. Твоя душа останется там. В Харонии. Но между ними протянется нить. Тонкая, словно шёлковая, через реку Пепла, по которой я смогу ходить, как канатоходец.

Он провёл скальпелем первую линию – от яремной ямки вниз, к солнечному сплетению. Кожа разошлась без усилия, и из-под неё, вместо ожидаемой тёмной крови, выступила прозрачная, слегка маслянистая жидкость – бальзамирующий состав, смешанный с остатками лимфы. Безье удовлетворённо кивнул. Тело не гнило. Идеальное состояние.

– Я знаю, что ты видишь и слышишь меня сейчас, – продолжал он, нанося вторую линию, перпендикулярную пер-

вой. – Там, в своём величественном тронном зале из костей. Думаешь, что я глупец, посмевающий посягнуть на Королеву. Возможно, ты даже права. Но знаешь, что отличает глупца от гения?

Он сделал паузу, склонив голову, словно ожидая ответа.

– Результат. Только результат. Если я преуспею, все мои безумства назовут прозрениями. Если нет – что ж, Харония давно ждёт меня. Как и всех нас, за исключением тех, на ком лежит печать Хранителей.

Третий надрез. Четвёртый. Руки его двигались с механической точностью, без дрожи, без сомнений. На бледной коже возникал узор – геометрический, жуткий, напоминающий одновременно химерийские руны и имперские тактические символы. Каждая линия была не просто разрезом на мёртвом теле, а каналом – будущим проводником для той силы, что он намеревался призвать.

За окнами Приората сгушалась ночь. Кривые сосны Брихтсмарка шумели на ветру, словно мёртвые нашёптывали друг другу дурные вести. Но мэтр Безье не слышал их. Он был полностью поглощён своей работой – медленной, кропотливой, прекрасной в своей чудовищности. Скальпель порхал в его пальцах, и узор становился всё сложнее, затягивая тело Бригит Рыжей в паутину, из которой невозможно будет выбраться ни живому, ни мёртвому.

– Ты воровала при жизни, но так ничего действительно ценного не нашла, – прошептал он, не прерывая движения. –

Теперь, после смерти, у тебя есть шанс украсть нечто действительно ценное. Украсть для меня Третий трон Харонии.

И тишина Приората, его верная сообщница, сомкнулась вокруг него ещё плотнее, пряча от мира это чудовищное таинство. Ибо негоже миру видеть то, что творится в сердцах тех, кто отверг и свет, и тьму, устремившись в серую область между ними, где нет ни добра, ни зла, ни жизни, ни смерти, а есть только знание – холодное, абсолютное и совершенно безжалостное, равнодушное ко всему.

1/2 Когда инквизиторское благочестие не стоит жалкого медяка

Дождь над Брихтсмаркским трактом шёл третьи сутки – мелкий, не прекращающийся ни на час, он не столько лил, сколько висел в воздухе водяной пылью, пропитывая одежду, волосы, саму душу. Постоялый двор «Три ворона» лепился к обочине, как старый гриб-трутовик, – приземистый, покосившийся, с прохудившейся крышей, которую латали соломой и молитвами. Внутри было немногим лучше: чадили сальные свечи, пахло кислым пивом, мокрой псиной и тем особым, неуловимым запахом, что въедается в стены всех заведений на имперских трактах, – запахом страха.

Страх перед лесом, перед ночью, перед людьми с серебряными молотами в чёрных плащах.

Человек в дальнем темном углу сидел здесь уже третьи сутки. Он не говорил, почти не двигался и, казалось, не пил – его кружка с элем, заказанная в первый вечер, так и стояла нетронутой, подёрнутая плёнкой пыли. Лицо его скрывал глубокий капюшон; правая рука, лежавшая на столе, машинально поглаживала что-то тяжёлое, завёрнутое в промасленную тряпицу. Трактирщик, человек пожилой и битый жизнью, знал: таких постояльцев лучше не беспокоить от греха подальше. Они приходят, сидят, уходят. Иногда после них остаются трупы. Иногда – только тишина.

Никто не знал, чего или кого он ждёт.

Он ждал не конкретных людей, он ждал зацепки, следа, любого намёка на определенное место. Брихтсмарк был велик, а чаша, укрывавшая логово, которое он искал, – ещё больше. Прочёсывать её вслепую было бы безумием. Оставалось слушать. Слушать и ждать, пока дорога сама приведёт к нему нужного человека.

Их было четверо, в чёрных плащах, с серебряными молотами, изящно гравированными на них молитвами во имя Грифонов, и главный – невысокий, кряжистый, с лисьим лицом и маленькими, близко посаженными глазками, в которых не горел огонь веры, а поблёскивал холодный расчёт. Этот человек носил серебряный молот не ради справедливости, а ради власти и золота. Таких в Ордене хватало всегда.

Инквизиторы зашли в таверну, громко распахнув дверь, потребовали вина, мяса, и комнату. Трактирщик засуетился, кланяясь так низко, что едва не касался лбом грязных сапог с серебряными цепями на голяшках. Одинокий путник пристально наблюдал из своего тёмного угла. Он не искал встречи с ними. Но послушать стоило.

И он услышал.

– Ловко ты провернул это дело, Пелепино... – сказал самый молодой, с золочёной гривой волос.

Часть слов потонула в громком смехе.

– ...говорю тебе, Герхард, – главный, сидя на лавке, вертел в пальцах кубок с химерийским вином, – настоящие деньги

делаются не на конфискациях. Конфискации – это мелочь. Медь, по большей части. Что возьмёшь с этого химерийского отребья? А вот если знать нужных людей... – он отхлебнул, вытер губы рукавом. – Есть тут один, отшельник. Платит чистым золотом за тела. Не за любые, конечно. Ему нужны особенные. Как эта рыжуля, что попалась нам в последний раз, на которой не сработали наши заклинания. За неё он расщедрился.

В тёмном углу одинокий путник еле заметно шевельнулся. Его пальцы сжались в кулаки. Но он остался на месте.

А потом всё изменилось.

Один из них по имени Герхард – тот, что помоложе, с прыщавым лицом, бегающими глазками и золотистой копной волос, – поднялся из-за стола и, зевнув, направился к задней двери, что вела во двор.

– Отолью, – бросил он небрежно через плечо. Сидевшие за соседним столом конюхи-караванщики поспешили посторониться, пропуская его.

Вернулся он не один.

Прошло минут пять – одинокий путник в тёмном углу считал их по ударам собственного сердца, – когда дверь снова распахнулась, и Герхард втащил в зал девицу. Она вырывалась, но молодой инквизитор держал её за шиворот, как котёнка, и на его лице играла сальная ухмылка.

– Глядите, кого нашёл, – объявил он громко. – В конюшне пряталась. В стойле, за соломой. Любопытная, видать. Вы-

сунулась посмотреть, кто приехал. А я услышал.

Девушка была худа, как тростинка, в простом сером платье, перепачканном соломой. На вид не более 20 зим. Тёмные волосы выбились из-под платка, обрамляя бледное, заострившееся от страха лицо. Но не лицо привлекло внимание Пелепино. И не её худоба.

Глаза.

Один – карий, тёплый, почти золотой. Другой – серый, как грязное зимнее море.

Трактирщик, увидев её, побелел. Бросился вперёд, упал на колени перед главным, который сидел, развалившись на лавке.

– Господин инквизитор! Умоляю! Это моя дочь! Сола! Она просто глупая, она не хотела... Я велел ей сидеть в конюшне, не высовываться! Она ничего не знает! Она не...

– В конюшне? – Пелепино грубо оборвал его и медленно поднялся. Его лисье лицо вытянулось, затем расплылось в улыбке. – Зачем же прятать дочь в конюшне, трактирщик? От честных инквизиторов, несущих свет праведности и всепрощение, Хранителей Империи?

– Я... я боялся... Она... у неё...

– У неё разные глаза, – снова оборвал его Пелепино. Он подошёл к девушке, взял её за подбородок – грубо, не скрывая брезгливого любопытства, – и повернул лицом к свету. – Гетерохромия. Редкость. А ну-ка...

Он схватил её за левую руку, задрал рукав. Девушка дёр-

нулась, но Герхард держал крепко. На предплечье, чуть выше локтевого сгиба, темнело родимое пятно – бурое, с рваными краями, очертаниями напоминавшее волка, застывшего в прыжке.

– Ведьмин знак, – громко объявил Пелепино. – Отметка Химеры. – Он повернулся к трактирщику, и его улыбка стала шире. – Ты знаешь, что бывает за укрывательство химерийских ведьм?

Конюхи поспешили покинуть таверну, только одинокий путник почти невидимый в тёмном углу остался на месте.

– Она не ведьма! – трактирщик ползал на коленях возле грязных сапог инквизитора. – Мы химерийцы, признавшие власть и законы Империи. Я плачу подати! Это... это просто родинка! С рождения! Господин, у меня есть деньги! Я заплачу! Всё, что есть! Пожалуйста, не трогайте мою дочь! Мою Солу!

Пелепино молчал несколько долгих мгновений. Затем кивнул.

– Что ж, я человек, и понимаю твою боль и беспокойство за родное дитя. Но всё имеет свою цену.

Трактирщик, дрожа, вытащил кожаный кошель – тощий и жалкий, – и высыпал содержимое на стол. Медь, немного серебра, пара стёртых имперских золотых солидов. Пелепино сгрёб всё к себе в карман быстрым движением, даже не считая.

– Этого хватит, чтобы не сжигать её сразу, – сказал он. –

Но я обязан, согласно закону, провести допрос. – Слово «закон» он произнёс с особым значением.

Он кивнул остальным.

– Наверх, в комнату её! И принесите два толстых древесных бруса и мои инструменты.

Трактирщик заскулил, как собака, и начал цепляться за сапоги Пелепино, но его оттащили в сторону.

В комнате наверху было холодно, как в склепе. Единственная свеча на колченогом столе бросала дрожащие тени на грязные стены. В углу стоял грубо сколоченный ржавыми гвоздями крест, – и к нему была за руки привязана Сола.

Пелепино запер дверь. Снаружи остались Герхард и Рупрехт, поставленные на страже, ещё один внизу присматривал за трактирщиком. Инквизитор не торопился. Он повесил дорожный плащ на спинку стула, снял с пояса свой серебряный молот, закатал рукава рубахи – медленно, тщательно, как хирург перед операцией. Затем открыл кожаный инструментарий с множеством предметов для причинения боли и извлёк хлыст – трёххвостый, с узелками, задубевшими от старой крови.

– Хороший инструмент, – сказал он негромко, проводя ладонью по ремням. – Три хвоста – три следа за раз. Экономит время. Оставляет красивые узоры на теле.

Девушка на кресте молчала. Её была крупная дрожь – не от холода, а от глубинного ужаса, что парализует тело и разум. Её разные глаза – карий и серый – следили за инквизи-

тором с оцепенелой, заворожённой обречённостью.

Пелепино подошёл ближе. Остановился в шаге, разглядывая её. Не спеша. С видимым удовольствием.

– Итак, – произнёс он с поддельной нежностью в голосе. – Есть один маленький вопрос: ты чувствуешь своего Хранителя?

– Я... я не...

– Ты обращалась в волка?

– Пожалуйста... сеньор!!!

Она только качала головой, губы её тряслись. Пелепино улыбнулся – мягко, почти ласково.

– Все вы так начинаете. С отрицания. С мольбы. С невинных глаз. – Он протянул руку и коснулся её щеки. Пальцы у него были короткие, с грязными ногтями, и от этого прикосновения девушка дёрнулась, как от удара. – А потом, когда тело не выдерживает, находятся нужные слова.

Он взялся за тесёмки её платья. Развязал их – медленно, одну за другой, не сводя с неё глаз. Грубая серая ткань сползла с плеч, открывая ключицы, маленькую, ещё почти детскую грудь с бледно-розовыми сосками, съёжившимися от холода и страха, рёбра, проступающие сквозь тонкую кожу. Пелепино резко сдёрнул платье до пояса и замер, любуясь.

– Хороша, – прошептал он. – Юная еретичка!

Он наклонился и медленно, очень медленно, провёл языком по её ключице – от плеча до яремной ямки. Сола всхлипнула, задёргалась в путах. Пелепино отступил на шаг, выти-

рая губы тыльной стороной ладони, и его маленькие глазки блестели в полумраке маслянистым, нездоровым блеском.

– Это только прелюдия, девочка, – произнес он с придыханием. – Я чувствую твоего Хранителя! Допрос ещё не начался. Сейчас ты узнаешь, что такое настоящая боль.

Хлыст взвился и опустился.

Три алые полосы расцвели на бледной коже – наискось, от левого плеча до правого бедра. Узелки, хлестнув по соску, оставили точечные кровоподтёки. Сола закричала – тонко, пронзительно, – и этот крик, ударившись о стены запертой комнаты, угас.

– Хорошо, – выдохнул Пелепино. – Очень хорошо. Давай ещё.

Второй удар. Третий. Четвёртый. Он работал хлыстом методично, с чувством, с расстановкой, наслаждаясь каждым всхлипом, каждым содроганием распятого тела. Пот выступил у него на лбу, дыхание стало чаще – но не от усталости. От удовольствия. Холодного, извращённого удовольствия, что заменяло ему всё: веру, любовь, человеческое сострадание.

Он отбросил хлыст. Подошёл к кресту вплотную, прижался всем телом к дрожащей, окровавленной девушке, запустил руку в её волосы, запрокинул голову назад, заглядывая в её испуганные разные глаза. Сола замычала от боли, пытается отвернуться, но он держал крепко.

– Ты пахнешь страхом, еретичка, – прошептал он. – Это

лучший запах на свете.

Его рука скользнула вниз – и в этот самый миг дверь рухнула в комнату.

Она с грохотом вылетела вместе с петлями, как пробка из бутылки, и Пелепино, обернувшись, увидел на пороге незнакомую фигуру в сером плаще. Лицо было скрыто глубоким капюшоном. В руке человек держал молот – тяжёлый, уродливый, чёрный.

– Ты... – выдохнул Пелепино, отшатываясь. Он тут же попытался использовать боевое заклятие, однако его магия была мгновенно заблокирована более сильным и неизвестным ему магическим приёмом.

Тёмная фигура шагнула в комнату. Одним движением незнакомец перерезал верёвки, удерживавшие девушку, и подхватил её, не дав упасть. Сола, рыдая, прижалась к своему спасителю. Неизвестный странник, сдёрнув со стула инквизиторский плащ Пелепино, набросил его ей на плечи.

– Уходи, – сказал он негромко. – Твой отец ждёт тебя внизу.

Она метнулась к двери и исчезла. Фигура повернулась к Пелепино.

– Ты знаешь, зачем я здесь. И ты помнишь меня! – произнёс он.

Инквизитор попятился, нашаривая на поясе кинжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.